

ИРИНА ЛЕЙК

**ДВОЙНАЯ
ТЕНЬ**

АЗБУКА
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Л42

Оформление обложки:
Студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Фото автора на 4-й странице обложки
Елена Олейникова

Книга создана при содействии
литературного агентства «Вимбо»

Лейк, Ирина
Л42 Двойная тень : роман / Ирина Лейк. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 320 с. — (Имена. Российская проза).

ISBN 978-5-389-32271-4

После легкого и головокружительного путешествия в «Ста способах сбежать» Ирина Лейк уводит читателя в новый захватывающий роман, не сбавляя скорости: на этот раз нас ждет динамичный психологический триллер, где автофикшен вдруг превратится в запутанную историю с загадками, неожиданными поворотами и мрачной тенью, которая преследует героиню с самого детства, не позволяет ей дышать и быть счастливой и всегда оказывается сильнее. Казалось бы — выхода нет? Но только не в этой истории, где автор не даст вам застрять в бесконечной боли, где даже в самой непроглядной темноте найдется капля света, а за страшной пугающей тенью окажется тот, кто всегда держал за руку, не давая упасть.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-32271-4

© И. Лейк, 2026
© ООО «Вимбо», 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Девочка играет. Кудряшки светятся на солнце. Его никогда не бывает тут слишком много, но оно все равно старается пробиться к ней сквозь густую листву старых деревьев, и девочка радуется. Ей хочется радоваться, но она знает: много радоваться нельзя, радуется осторожно, чтобы взрослые не заметили. С солнцем можно радоваться, и она всегда ему улыбается. Так будет и потом, когда она станет большой, а пока она совсем маленькая, но знает уже много, а еще больше помнит. Она даже помнит, как делала тут первые шаги. На ней были ботиночки из тонкой белой кожи с коричневыми подошвами, она переступала ножками, крепко держалась за металлические прутья, и на ладонках оставались блестящие искорки серебристой краски — ей казалось, это волшебство. Девочка любит все волшебное, она маленькая, она везде ищет сказку, чтобы держаться за нее как можно крепче.

Мама не разрешает уходить далеко, насто-
роженно хмурит брови, смотрит по сторонам,
нет ли незнакомцев, но сюда редко заходят,
это старый участок, он почти в лесу. Мама
всегда боится, а девочке никогда не бывает
страшно, она знает, что не одна, на нее сме-
трян. Они свои, она знает их с рождения, они
везде, со всех сторон и смотрят как будто все-
гда одинаково, но на самом деле притворяют-
ся: она понимает, когда они довольны, а когда
сердятся, у кого какие новости, какое настро-
ение, кто заскучал, а у кого всегда в запасе
шутки — одни и те же. Они приглядывают за
ней, им это в радость. Она знает их всех до одно-
го, заходит в гости, любит цветы, у кого-
то слушает птиц — тут у многих живут птицы,
у кого-то девочка замечает пятнышко или ли-
стик и наводит свой маленький детский поря-
док. Больше всех она любит старушку за кипа-
рисом, где тепло и солнышко, и старушка
угощает конфетами. Однажды какие-то незна-
комые взрослые привели сюда свою девочку
с беленькими волосиками, в косынке. Ее тоже
отпустили поиграть, велели не уходить дале-
ко, и две девочки играли вместе. Но беленькая
была странная, всего боялась, ни до чего не
дотрагивалась, и, когда они зашли в гости
к старушке, где кипарис и всегда тепло, ста-
рушка сначала обрадовалась, а потом расстро-
илась, что беленькая не стала брать ее конфе-

ты, даже не захотела посидеть, только испуганно вытерла ладошки о платице, смешно выпучила глаза и сказала:

— Ты что, нельзя! Никогда нельзя есть эти конфеты, потому что тогда ты тоже... понимаешь? Тогда ты тоже... — Последнее слово она сказала совсем шепотом, потому что для нее оно было страшное, но разве это страшно? Что с того, если ты тоже? Ведь тогда тебя будут любить сильно-сильно, как можно любить только тех, кого нет. Любовь к тому, кого нет, намного сильнее. Ради нее они и ходят сюда почти каждый день, даже если дождь, или совсем не хочется вставать, или болят ножки, или кашель. Они все вместе или только вдвоем с мамой все равно идут сюда каждый день, через грязь или через сухой асфальт, через пыль и песок. Не ходят только зимой, поэтому девочка так радуется осени и так любит зиму. Когда зима все равно уходит и начинается таять снег, она капризничает, плохо спит и много плачет. Хотя обычно она не плачет почти никогда. Мама тоже никогда не плачет. Девочка знает: плачут, только когда есть повод, когда ушибли коленку или опоздали на самолет. Но у мамы внутри что-то такое... Девочка никак не поймет, что это — она просто чувствует. Она очень не любит то, что внутри у мамы, то, от чего мама не может плакать. Она каждый раз надеется,

что зимой это растает. До весны ведь так много времени, маму можно успеть спрятать, согреть, отвлечь, и *это* растает. Девочка любит зиму, тогда у них все становится почти как у других. Только вот фотографии... Они спрятаны, но все равно попадают, как-то умудряются вылезти и сделать всем взрослым больно, напомнить ей, кто сильнее, кто старше, кто лучше, и что он тут, он есть, и его больше, чем ее самой. У бабушки и дедушки фотографии ведут себя совсем по-другому, там их некому прятать, папа туда почти не приезжает, так что там фотографии заполнили весь дом, им все равно, зима или лето, там их место и время. А дома пусть бы всегда была зима.

Когда дело катится к весне, девочка тревожится, тянет зимнее время, по вечерам спрашивает хотя бы еще один, совсем маленький кусочек сказки, хотя бы еще пять минуточек, просит маму:

— Расскажи, как я родилась.

Ведь девочка есть, она тут, значит, она все-таки родилась? Мама не любит рассказывать, она рассказывает коротко, только о том, что в тот день был дождь, много дождя, и что девочку привезли домой и купали, и она была маленькая. Да, очень уж маленькая. Мама вздыхает, целует ее и говорит:

— Спи.

Девочка слушается, закрывает глаза и очень старается спать, но потом все равно плачет. Так, чтобы никто не слышал. Подушка становится мокрой, от нее болит голова, иногда идет носом кровь, и тогда можно позвать маму, а потом долго сидеть с мамой вдвоем в ванной за закрытой дверью, с ватным тампоном в носу и тихонько радоваться. Разговаривать все равно не получится, мама скажет: «Помолчи, а то кровь пойдет сильнее» — но зато будет рядом. Она будет вздыхать, хмурить лоб, но рядом. На «расскажи, как я родилась», она не согласится, не стоит и пробовать, не согласится на много слов, как у бабушки. Бабушка рассказывает по-другому. Про то, как ждала дома на кухне и смотрела в окно, а потом, когда приехала машина, сбежала вниз по ступенькам и взяла на руки девочку в одеяле. Одеяло было толстое и красное, а девочка в нем — маленькая, но сразу узнала бабушку, потому что сморщила носик. Бабушка показывает как, морщит свой большой взрослый нос и всегда смеется, а потом немножко вытирает слезы. Девочка хочет, чтобы она говорила еще, она берет ее лицо руками и поворачивает к себе и опять просит:

— Расскажи, как я родилась.

А потом еще и еще. Ей очень нужно. Как же они не понимают? Ей нужно убедиться, что она родилась. А если говорить про это

много и часто, то, может быть, этих слов когда-нибудь станет больше, чем тех, других, про него. Может быть, когда-нибудь. Но пока тех других так много, они есть всегда, со всех сторон и от всех. Он все равно остается сильнее и старше, и она смиряется.

Тропинки узкие, на лавочках облупилась краска, но девочка кружится, задрав голову кверху. Наверху небо и узор из веток высоко-высоко. Еще выше кричит птица, и в божьем палисаднике поскрипывает калитка. Может, все-таки ее нет? Она кружится, пока ей не начинает казаться, что это ветки внизу, а она сама наверху, и тогда она останавливается. Держится за металлические прутья черной решетки, идет дальше по узким тропинкам. Она боится тут только одного места — там все в игрушках и на ветру крутится яркая вертушка из фольги. Это плохое место. Вертушек она будет бояться всегда, даже потом, когда станет большой. А сейчас нужно скорее отсюда уйти, вот и мама уже ее зовет.

Наконец они уходят домой, оставив огонек в баночке и конфеты. Калитку нельзя закрывать — такие правила, калитка должна быть всегда открытой. Девочка бежит впереди всех, они идут гуськом по узким тропинкам — девочка, мама и папа. Она радуется, она может пройти тут хоть в темноте, хоть с завязанными глазами, ей так радостно, что

они уходят домой, и она начинает петь. Но ее обрывают: «Тихо!»

Надо выбросить мешки с мусором в высокий контейнер, вымыть руки под струей ледяной воды. Она очень торопится, придумывает, что устала, что ей хочется пить или есть или что у нее болит живот, но получается плохо, потому что радость от того, что они уходят, все портит, лезет наружу изо всех сил. Девочка старается сердиться на себя, старается быть хорошей и большой. Хотя она знает: это мальчик большой, а она — маленькая. Так будет не всегда, потом все поменяется, но пока это так. Она старается прочесть надпись на железных воротах, называет старательно выученные буквы: «К-Л-А-Д...» Клад! Она радуется и заглядывает маме в лицо, но та почему-то опять сердится. Но все равно. Пускай. Главное — они отсюда уходят. Хотя бы до завтра.

Что бы я ни делала, сколько бы мне ни исполнилось лет, за мной всегда следовала тень моего брата. Она, разумеется, была намного больше моей собственной тени и намного больше меня самой. И если моя тень послушно следовала за мной или бежала впереди, то эта закрывала меня от всех черным пятном, не давая ни малейшей надежды, ни единого шанса из-под нее выбраться.

Однажды я зашла к врачу проверить родинки, и он сразу обратил на это внимание — оказалось, что я ношу на правой лопатке незаживающий шрам. Такое бывает, улыбнулся он, очень редко, но бывает: организм постоянно вырабатывает келоид, пытаюсь лечить несуществующую рану. Доктор легко пожал плечами и опять улыбнулся:

— Ваш организм сбил себя с толку, лечит и лечит то, чего нет. Мы все поправим.

Улыбчивый доктор не знал, что мой организм не был таким уж глупым. Рана существовала.

— Мы это запросто вылечим, — назойливо повторял он. — Сделаем всего один укольчик под этот ваш шрам, и поверьте, все прекратится, все успокоится. После первой же инъекции.

Инъекция не помогла. Ни первая, ни восьмая. Организм отчаянно продолжал лечить свой незаживающий шрам и то, что никогда и никто не видел.

Я не знала, кто я на самом деле, — ни тогда, когда была маленькой, ни потом, когда выросла. Я могла в любую минуту стать кем угодно. Стала ли я взрослой, я тоже не знала, но я выросла. И сохранила в себе ту способность. Или она сохранила меня. Я всегда шлифовала и лелеяла этот талант, стремясь к абсолютному совершенству.

Они возвращаются чаще всего прямо на следующий день, и взрослым сразу становится не до девочки — они очень заняты, всегда. Убирают, моют, красят, сажают цветы, собирают опавшие листья, просто сидят на скамеечке, просто стоят. Открывают и так открытую калитку и сразу становятся другими, не такими, как дома, будто они не ее мама и папа, а чьи-то еще. Но других детей в семье нет, только она, девочка. Взрослые почти не разговаривают, почти не смотрят на нее, почти не улыбаются. Девочка не требует улыбок — она ведь должна все понимать, и она старается. Она не знает, что это — то, что она чувствует, откуда вдруг появляется огромная пустота, в которой ей холодно, неуютно и страшно, и девочка убегает от нее, убегает играть. К тем, кто за ней присматривает. С ними спокойно, они не обидят. Она видит, они ей улыбаются, чувствует, кто доволен, кто сердится, а у кого опять дурное настроение. Забегает к старушке за кипарисом, где всегда тепло и солнышко, а потом начинает превращаться. Девочка может превратиться в кого угодно, может стать Золушкой или Белоснежкой. Ей говорили, многие тут просто заснули. Но она умнее, она знает: тут никто не спит, ведь они всегда на нее смотрят. Они берегут ее и никому не расскажут ее секреты, ведь она тоже никогда не рассказывает их се-

крет. Они знают, что она может в любой момент превратиться в кого угодно, стать эльфом, волшебницей, невестой. Белоснежка нравится ей больше всего. Однажды девочка зашла к кому-то из них в гости, легла на лавочку, сложила маленькие ручки и закрыла глаза, представляя, что сейчас ее поцелует принц. Она была очень красивой — чтобы сплести веночек, она специально собирала ромашки и одуванчики, за которые мама обычно сердилась: от них на одежде и на руках оставались пятна. Но по дороге сюда мама смотрела всегда куда-то как будто мимо девочки и не замечала ни пятна, ни одуванчиков. Веночек получился, как у настоящих лесных фей. Девочка надела его на голову, легла на лавочку, закрыла глаза и превратилась в Белоснежку. Над ней пели птицы, в божьем палисаднике поскрипывала калитка, в небе шелестели листья: вот-вот совсем рядом должны были застучать подковы лошади прекрасного принца, но вместо этого раздался крик. Кто-то жутко кричал, и это было зря. Неправильно. Взрослые не должны бояться детей. Взрослые не должны бояться. И уж тем более здесь. Зачем эта глупая женщина подняла крик, будто была не взрослая, будто ей пять лет. Из-за нее мама так сильно сжала девочке руку, что стало больно. Ее быстро увели, посадили под дерево и отругали, тихо и резко, она подумала, что, когда

кричат, — намного лучше. Потому что крик может прогнать холодную пустоту, а от тишины пустота только разрастается, становится плотнее и больше. Девочка представила, что она на другой планете, что ей легко, она ничего не весит и сейчас, наконец-то, отпустят руку, и она улетит. Далеко-далеко. Чтобы больше не возвращаться. И тогда ее тоже любят. Сильно-сильно.

Мне нравилось нравиться. Чтобы нравиться людям, надо стараться. Всегда. Восхищенные взгляды не могут быть сами собой — в такие я не верила. Я знала: похвалу, одобрение и восторги надо заслужить. Всегда старалась угодить, угадать, уловить. Старалась приносить пользу и удовольствие. Мне нужно было радовать, угождать и спасать. Ничего другого я не умела и не могла научиться. Я лезла из кожи вон перед школьными учителями, перед подругами и их родителями, я довела себя до обмороков, вставая на «мостик», чтобы преподаватель хореографии в школе искусств меня похвалил или хотя бы не наорал, как на всех, — в те времена учить детей балету было принято именно так. От «мостика» кружилась голова, во рту появлялся кислый привкус, и становилось невозможно дышать. Причем все это случалось сразу, стоило только подумать о «мостике» и хорео-

графии с ее преподавателем, молодым мужчиной с плоским лицом и раскосыми глазами. Он всегда или орал, или говорил тихо и резко. Неизвестно, что было лучше. Он был очень беспокойным, и я часто думала, как сильно он мог бы измениться, будь он не здесь. Он мог бы стать совсем другим, он мог бы улыбаться, мог стать мудрее, лучше и тише. Может быть, я даже перестала бы его бояться, может быть, даже приходила его навестить. Но он был здесь и продолжал терзать детей на занятиях, а по ночам снился мне летящим на такой же, как он, злобной лошади, с ножом и в одежде, похожей на ковер. Кроме него, в моих снах часто появлялась учительница математики. Ради нее мне приходилось стараться особенно усердно, но я ничего не понимала ни в ее учебниках, ни в объяснениях, ни в словах и графиках, написанных и нарисованных скрипучим белым мелом и разбросанных по доске. Стараться мне нравилось, я не была глупой, но у меня все равно никогда не получалось порадовать ее или хотя бы угодить. Цифры меня ненавидели, и на уроках мне больше всего хотелось превратиться — все равно в кого. Я делала вид, что это не я, представляла, что я не тут, молилась, чтобы меня не вызвали, закрывала глаза и хотела улететь далеко-далеко, чтобы больше не возвращаться. Мне не хотелось школы — мне

хотелось субботы, чтобы завтра пойти на кладбище. Там я не была глупой или беспомощной, там я всегда знала, что и как правильно делать. А еще за мной там всегда присматривали. Они понимали меня лучше всех, они улыбались, с ними было спокойно. Но все взрослые в моем окружении считали, что мне нужны друзья, мои ровесники, настоящие дети из школы. Я так не считала, но пыталась подружиться. Я очень старалась. Мне хотелось дружить с лучшими девочками в классе, с теми, о ком хорошо отзывалась мама. Они все были похожи на беленькую девочку, которая испугалась тогда в гостях у старушки за кипарисом, где всегда было тепло и солнце. За одной из таких девочек я ходила хвостом, хвалила ее платье, волосы, восхищалась оценками и передавала записки от влюбленных в нее мальчиков, причем большую часть из них писала сама. Ей нравилось. Она позволяла мне таскаться за собой в школе, следовать за ней в изостудию, приходиться болеть за нее на конкурсы бальных танцев, где она быстро и нелепо, как деревянная кукла, всегда не в такт переставляла кривоватые ноги с острыми коленками. Я смотрела на нее, и мне было неловко и почему-то немного стыдно, хотя танцевала она, а я только таскалась за ней, следовала за ней шаг за шагом и все время хвалила. После очередного провала на танце-

вальном конкурсе я пыталась ее утешить, убеждая, что она все равно лучше всех, но она вдруг обернулась и тихо и резко сказала мне, чтобы я прекратила, потому что ей от меня противно. Больше я к ней не приближалась.

С новенькими поначалу было трудно разобратся. Они появлялись тут редко, на этом старом участке все уже были на своих местах: старые соседи, старый мир, где все знали, как правильно, знали всё про всех. Это был тихий надежный уверенный мир, над которым густо сомкнулись деревья, на ветвях пели птицы, в божьем палисаднике поскрипывала калитка. Но иногда все равно кто-то возникал: или подсеялся к тем, кто уже был тут, или втискивался в этот мир, нарушая покой. Сначала это всегда было громко и резко, много людей, много некрасивых цветов, ленты с золотыми буквами, по которым девочка училась читать: «Лю-бим», «Пом-ним», «От родных». Люди и правда помнили, но не очень долго. Сначала не хотели уходить, горевали и звали, потом приходили часто, потом реже, потом как будто извинялись глазами, потом приходили с кем-то, а потом все опять становилось как раньше. У новеньких появлялись фотографии, буквы и цифры, и они тоже становились своими, не тревожились, улыбались и приглядывали, берегли.

Митя возник сам собой. Он не мог меня заинтересовать, потому что сразу стал смотреть неправильно — с восхищением, с удовольствием, и мне это не нравилось, раздражало и немного пугало. Мне было неприятно от его взглядов. Я никогда не верила, когда на меня так смотрели, и не хотела замечать Митю. Однако его это несколько не расстраивало, он привык — его всегда не очень замечали, он был невзрачный и блеклый. Поначалу. Потом, конечно, изменился, когда уже обосновался рядом со мной.

Его первое появление совпало с тем самым днем, когда меня чуть было не разоблачили. Из-за него, из-за Мити. Я думаю, что именно тогда он и почувствовал надо мной власть. А если это случается с кем-то хоть один раз, потом люди уже ни за что не согласятся отказаться от этого чувства.

Митя следовал за мной по пятам, не пропускал ни одного шанса оказаться рядом, провожал меня до дома на метро, хотя жил на другом конце города, приезжал ко мне на работу в обеденный перерыв и звонил, чтобы я спустилась и забрала теплый суп, который он приготовил для меня сам. Он распечатывал для меня статьи и рефераты, забирал из химчистки мою одежду, ждал часами, пока я закончу спасать, а потом вез домой — со временем он купил машину, чтобы мне было

тепло и никто не толкался. Дома он надевал мне теплые носки и, заглядывая в глаза, выспрашивал о том, как прошел мой день. Когда нас с коллегами сослали в командировку на полгода в далекий заброшенный городок на севере, где все эти полгода были зима, темнота, снег и холод, Митя приехал туда ко мне на третий день. Он привез мне новый огромный пуховик и вытащил из-под куртки живые настоящие цветы. Он уже не смотрел на меня с восхищением, он просто за мной присматривал, следовал за мной, он был рядом, он знал обо мне все. Это было знакомо. Я сдалась.

В дверь позвонили, когда мы с Митей уже почти год жили вместе.

— Кира! — крикнул Митя. Он был на кухне, я работала за ноутбуком в комнате. — Это кто еще в такое время? Ты что-то заказывала? — Он сунул голову в комнату, поднял на меня белесую бровь, но я только покачала головой, пожала плечами, и он пошел открывать.

Я не поняла, кто пришел, решила, кто-то из соседей или из ЖЭКа, или перепутали дверь. Прислушалась — так и есть, кто-то ошибся адресом:

— Да нет же, я уже пять раз вам повторил, такая тут не живет, — с досадой объяснял ко-

му-то Митя, а женский усталый голос продолжал пыхтеть ему в ответ, что все совпадает.

— Я вас уверяю, что этого не может быть! — закипал он. — Ну в самом деле, ну какая Николетта Викторовна? Нет у нас таких и никогда не было, до свидания, девушка, идите и разбирайтесь, для кого это ваше извещение! — Митя распаялся все больше, ему не нравилось, когда кто-то вторгался в его пространство и особенно — в его время. — Да, я все вижу, адрес, улица, квартира, да-да, у вас ведомость, в ведомости печать, но Николетты Викторовны тут отродясь не было! Повторяю вам еще раз — такая тут не живет. Не! Живет! — отчеканил он.

Я поднялась, вышла к двери, тихонько взяла его за плечо и сказала уставшей девушке:

— Николетта Викторовна — это я.

Мальчика звали Николай. Никаких девочек в семье не планировалось и не могло быть. У мамы и папы был мальчик. Он был лучше всех. Других детей в семье не было. И даже после того, что случилось, их не должно было быть никогда. Но когда обстоятельства подвели, а может, досадная нелепая слабость сложилась таким образом, мама долго молчала, а потом сказала, что терять сразу двоих детей она не может. И девочка осталась.

Литературно-художественное издание
Эдеби-көркем басылым

Лейк Ирина

ДВОЙНАЯ ТЕНЬ

Ответственный редактор *Ю. Раутборт*

Технический редактор *Л. Синицына*

Корректоры *Л. Асанова, В. Алексина*

Верстка *В. Демин*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 24.04.2026.

Формат 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 4000 экз. Т-РР1-41563-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, к. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,	Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
БЦ «Регул», 2-й этаж	Регул бизнес орталығы, 2-қабат
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заң)

